

НАРУШЕНИЕ МАКСИМЫ КОЛИЧЕСТВА КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСА СОГЛАСОВАНИЯ

© 2017

О.А. Крапивкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск (Россия)

Ключевые слова: юридический дискурс; максима количества; принцип кооперации; дискурс согласования.

Аннотация: Целью статьи является анализ нарушений максимы количества, составляющей принципа кооперации П. Грайса, в результате которых становится невозможным достижение дискурса согласования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления способов повышения эффективности судебной коммуникации, которая предопределяется формой социального взаимодействия коммуникантов. В статье утверждается, что наиболее эффективной формой коммуникации является дискурс согласования, определяемый как незамкнутый процесс речевой деятельности, в ходе которого коммуниканты решают задачи социального взаимодействия, направленные на единение интенциональных горизонтов и поиск общего контекста интерпретации. Готовность говорящего сотрудничать с адресатом, намерение следовать принципу кооперации оказывают влияние на правильность интерпретации иллокутивных интенций и возможность формирования дискурса согласования. Автор анализирует случаи нарушения максимы количества на материале англоязычных и русскоязычных диалогов. Были выявлены такие нарушения, как недостаточность информации, избыточность информации, игнорирование адресатом особенностей коммуникативного багажа адресата. Анализ фактического материала показал, что следование принципу кооперации, в частности соблюдение максимы количества, предполагает направленность адресанта на максимально эффективную передачу информации, а адресата – на ее восприятие. Тогда дискурсивное взаимодействие представляет собой совместную деятельность участников, объединенных общей целью, т. е. дискурс согласования. Автор приходит к выводу, что нарушение максимы количества предопределено разницей интенциональных горизонтов, поскольку участники коммуникации решают различные задачи социального взаимодействия. Нарушение максимы количества способствует развитию коммуникации по сценарию дискурса различий, который может эволюционировать в конфликт, если коммуниканты не будут заинтересованы в достижении поставленной цели.

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникационная концепция П. Грайса [1] стала, как отмечает Е.Е. Аникин, настоящим прорывом в решении проблем речевого воздействия на этапе становления антропоцентрической парадигмы [2]. Однако идея об универсальности максим не раз подвергалась критике исследователей [3; 4]. Д. Хаймс утверждает, что в каждом обществе есть свои представления о количестве, качестве, релевантности и манере речи [5]. Р.М. Блакар пришел к выводу, что язык обладает мощнейшим потенциалом вариативной интерпретации действительности. Возможность языковыми средствами дать в корне противоположную оценку одной и той же ситуации (*повстанец– террорист, разведчик – шпион*) создает множество возможностей для речевого воздействия и ущемления прав одной из сторон коммуникации [6]. Р. Лакофф отмечает, что в процессе дискурсивного взаимодействия происходит так называемая «интерпретация» высказываний на основе знаний коммуникантов [7; 8]. Адресат домысливает сказанное говорящим. И от того, насколько благожелательно он настроен по отношению к говорящему, хочет ли с ним сотрудничать в решении каких-либо проблем, в какой мере он намерен следовать разговорным максимам принципа кооперации, в значительной степени зависит, достигнут ли они дискурса согласования (ДС). Данный термин был введен в научный оборот А.М. Каплуненко [9–11]. Под дискурсом согласования мы понимаем незамкнутый процесс речевой деятельности, в ходе которого коммуниканты решают задачи социального взаимодействия, направленные на единение интенциональных горизонтов и поиск общего контекста интерпретации [12; 13].

Целью статьи является анализ случаев нарушения максимы количества принципа кооперации (*Cooperative Principle*) П. Грайса. Принцип, сформулированный исследователем, состоит из четырех постулатов, или конверсационных максим [1]: максима количества, максима качества, максима релевантности и максима манеры. Максима количества, являющаяся предметом исследования, гласит: 1) говори настолько информативно, насколько это требуется (для выполнения текущих целей диалога); 2) не говори больше, чем требуется.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следование принципу кооперации предполагает направленность адресанта на максимально эффективную передачу информации, а адресата – на ее восприятие. Тогда дискурсивное взаимодействие представляет собой совместную деятельность участников, объединенных общей целью [14]. Формирование ДС возможно только в условиях соблюдения принципа кооперации и возможности для адресата опознать намерение адресанта. Готовность адресанта сотрудничать с адресатом, намерение следовать принципу кооперации существенно влияют на правильность интерпретации иллокутивных намерений адресанта и возможность формирования ДС.

Однако нередко возникают ситуации нарушения максим принципа кооперации П. Грайса, которые препятствуют формированию единого контекста интерпретации. В данной работе мы остановимся на рассмотрении случаев нарушения лишь одной максимы – максимы количества, основные правила которой были сформулированы выше.

Адвокат: Чего Вы хотите – вернуть деньги или строить?

Потерпевший: Конечно, вернуть. Мне все равно кто мне вернет эти деньги!

Адвокат: Я Вас не об этом спрашиваю. Вы хотите вернуть Ваши деньги или продолжить строительство квартиры в кооперативе? (Ручные записи судебного процесса).

Адвокат нарушает максиму количества, предполагая достаточность информации для ее правильной интерпретации. Адвокату не следовало прибегать к эллиптическому вопросу, сохранив его полную структуру – *строить в кооперативе, созданном вкладчиками*. Отсутствие необходимой информации привело к тому, что адресат не распознал интенцию адвоката и в ответе подчеркнул виновность его подзащитных, вызвав эмоционально окрашенную реакцию адвоката, направленную на предотвращение развития мысли потерпевшего. Повторный вопрос адвоката был задан уже без нарушения максимы количества.

Judge: Did you understand Rule 14 when you read it?

Attorney: Uh, I don't recall that one.

Judge: I didn't think so. Rule 14 requires out-of-state unlicensed attorneys to associate local counsel when appearing in my room.

Attorney: Yes, sir.

Judge: Yes, sir, what?

Attorney: Yes, sir, I've heard of that rule (Grisham J. A Time to Kill).

[Судья: Вы знакомы с правилом 14?]

Адвокат: Не припоминаю.

Судья: Я так не думаю. Правило гласит, что адвокат, не имеющий лицензии штата, должен вступить в местную ассоциацию для представления интересов клиента.

Адвокат: Да, сэр.

Судья: Да что?

Адвокат: Да, сэр, я слышал об этом требовании.]

Ответная реплика адресата не позволяет судье сделать вывод о том, знаком ли он с правилом 14, в соответствии с которым адвокат, не имеющий лицензии штата на осуществление адвокатской деятельности, должен вступить в местную адвокатскую ассоциацию для представления интересов клиентов в суде этого штата. Недостаток информации заставляет судью задать уточняющий вопрос.

Как нарушение максимы количества, может рассматриваться и избыточность информации:

Lawyer: Did you marry your wife in 1982?

Defendant: Unfortunately for me, I did.

Lawyer: Unfortunately for her, too (Manual records of courtroom TV show 'Divorce court').

[Адвокат: Вы поженились в 1982 году?]

Ответчик: К сожалению для меня, да.

Адвокат: Как и для Вашей жены.]

Очевидно, что подзащитный предоставляет избыточную информацию, не интересующую адвоката, – о его отношении к браку. Тем не менее последний включается в игру оппонента и добавляет: *“Unfortunately for her”*, указывая на то, что реальной жертвой брачных отношений является не только подзащитный, но и его супруга.

Нарушением максимы количества является также нежелание эксперта выйти за пределы экспертного сообщества с целью формирования ДС:

Адвокат: Если дело будет рассматриваться в особом порядке, вопрос о виновности стоять не будет. То есть Вы вину в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, должны признать полностью. Судя по вашим объяснениям, проникновения в жилище не было. Отказывайтесь от особого порядка. В общем порядке настаивайте на переквалификации ваших действий (Ручные записи судебного процесса).

Адвокат употребляет юридические термины, которые неизвестны обывателю: *в особом порядке, переквалификация*, – что приводит к коммуникативной неудаче. Эксперт предоставляет информации меньше, чем требуется собеседнику для понимания.

Причинами коммуникативной неудачи вследствие нарушения максимы количества могут быть как неосознанное игнорирование адресантом факта асимметрии знаний, так и намеренное желание продемонстрировать свою принадлежность экспертному сообществу, укрепив тем самым власть в дискурсе:

Клиент: Двое из них отделились и пошли нас бить без каких-либо причин. Мне удалось убежать из двора и вызвать наряд. Наряд приехал, меня и напавшего увезли. В травмпункте сняли побои. Далее в отделении с моих слов записали заявление. Интересно, что делать дальше. Хочу нападавшего наказать.

Адвокат: Действия нападавшего квалифицируются как побои. Получайте в полиции постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и обращайтесь с заявлением о привлечении к уголовной ответственности в порядке частного обвинения. Ваше заявление направят по подсудности (Ручные записи судебного процесса).

Эксперт использует юридическую терминологию с целью управления социальным взаимодействием. Использование терминов является демонстрацией позиции власти представителя экспертного сообщества. Стремясь контролировать речевое поведение адресата, эксперт отказывается формировать ДС, провоцируя коммуникативную неудачу, поскольку не все термины в анализируемом фрагменте могут быть верно интерпретированы обывателем. Так, *частное обвинение* – термин, требующий знаний уголовно-процессуального права и предполагающий *деятельность частного лица, пострадавшего от преступления, которая заключается в обращении к мировому судье с требованием о привлечении к уголовной ответственности виновного лица, представлении суду доказательств совершения преступного деяния и поддержании обвинения в суде*. Без обращения к источнику экспертного знания обыватель не может верно интерпретировать совет адвоката. Отмечается нарушение максимы количества, поскольку высказывание не несет достаточной информации для реализации коммуникативной цели – оказания правовой помощи.

Attorney: Now, while the People don't have to prove motive to you, they only have to prove intent, you are entitled to find the absence of motive to be compelling.

Judge: Now you are getting into the law, counselor. Stay away from the law. Tell the jury what you believe the proof will be (Manual records of court proceedings).

[Адвокат: Прокурор не должен доказывать вам наличие мотива, лишь намерение совершить преступление. Вы вправе установить отсутствие мотива.]

Судья: Вы касаетесь вопросов права, советник. Давайте не будем уходить в эту сторону. Объясните присяжным, что вы считаете доказательством.]

Адвокат игнорирует когнитивный багаж обывателя. Описывая процесс принятия решения присяжными заседателями, он оперирует юридическими категориями, на что обращает внимание судья. Осуществляя контроль за ходом дискурсивного взаимодействия, он указывает адвокату на необходимость перейти в ДС – сферу согласованного знания.

Попытка адвоката оставаться в дискурсе экспертно-го сообщества отмечается и в следующем примере:

Свидетель: Мы бы его сразу вывели на чистую воду, этого брачного афериста.

Адвокат: Почему Вы Аморова называете брачным аферистом, откуда такой термин возник? Нет такого официального термина.

Судья: **Какие официальные термины? Мы допрашиваем свидетеля, который изъясняется понятным русским языком** (Ручные записи судебного процесса).

Свидетель, не обладая экспертными знаниями в области уголовного права, характеризует подсудимого с помощью семантически «размытого» знака *брачный аферист*. Адвокат пытается вовлечь оппонента в свой экспертный дискурс и предлагает отказаться от использования концептуальных знаков, однако судья напоминает о необходимости конструирования ДС, поскольку один из коммуникантов является носителем обыденного сознания.

Таким образом, асимметрия знаний нередко используется экспертами как манипулятивный ресурс. Адвокат намеренно отказывается формировать ДС с целью позиционирования себя в качестве эксперта, что оказывает персуазивный эффект на присяжных-обывателей. Это – типичное укрепление власти в дискурсе [15; 16]. В этой ситуации процессуальному оппоненту рекомендуется воспользоваться правом возражения, поскольку в противном случае далее ему будет не просто разрушить сформировавшуюся вокруг противника ауру профессионализма и доверия [17; 18]. Доверие к эксперту детерминировано фоновыми ожиданиями, уверенностью, что он продемонстрирует компетентность в соответствующей области, убежденностью в функциональной точности его высказываний.

В прототипических ситуациях судебной коммуникации, если отказ от юридической терминологии невозможен в том или ином контексте, эксперты могут компенсировать когнитивный пробел с помощью приема объяснения. Любой вербальный контакт есть акт кооперации. Все высказывания продуцируются и понимаются исходя из фоновых знаний контекста, предмета общения и коммуникативных целей. Взаимопонимание – результат совместных усилий собеседников, направленных на согласование индивидуальных точек зрения. Коммуниканты должны предвидеть, какими знаниями обладают их собеседники, возможную асимметрию знаний. Так, если адвокат знает о том, что адресат тоже является профессиональным юристом, ему нет необходимости выходить за пределы юридического поля и интерпретировать, к примеру, терминологическое сочета-

ние объективная сторона преступления, указывая на признаки данного понятия: объективная сторона преступления = преступление + его последствия + связь между ними.

Существуют различные языковые приемы, применение которых позволяет избежать коммуникативной неудачи, являющейся результатом нарушения максимы количества в коммуникации эксперта и обывателя:

Адвокат (клиенту): Совершенно бесполезная инициатива. Упущенную выгоду, то есть то, что Вы могли бы получить и не получили, трудно доказуемо. Предположительные доходы суду не интересны, поскольку, они как могли бы быть, так и могли бы и не быть (Ручные записи судебного процесса).

Judge (to the jury): You issue an indictment, which is a formal charge placed against the accused (Grisham J. A Time to Kill). [Судья (присяжным): Вы вынесете обвинительный вердикт, который представляет собой официальное обвинение подсудимого в совершенном преступлении.]

Предполагая асимметрию знаний, адвокат поясняет юридический термин *упущенная выгода*, а судья дает определение термина *indictment* в знаках ДС. Такой переход помогает достичь перлокутивного эффекта – эффекта речевого воздействия, который подразумевает «непосредственные изменения поведения адресата, или его эмоционального состояния, или его знаний о мире, или его отношения к тем или иным событиям и реалиям этого мира, т. е. изменение его личностного смысла» [19, с. 160]. Наличие перлокутивного эффекта свидетельствует о достижении адресантом коммуникативной цели, целесообразности используемых им речевых средств и стратегий в коммуникативном послании, в котором реализуется воздействие на адресата.

ВЫВОДЫ

Нарушение принципа кооперации предопределено разницей интенциональных горизонтов, поскольку участники коммуникации решают различные задачи социального взаимодействия. И здесь следует не согласиться с некоторыми исследователями [20], которые полагают, что нарушение принципа кооперации происходит исключительно по вине допрашиваемых, а не агентов юридического поля, стремящихся к эффективному коммуникативному взаимодействию.

Нарушение максимы количества (недостаточность информации, избыточность информации, игнорирование асимметрии знаний) способствует развитию коммуникации по сценарию дискурса различий, который может эволюционировать в конфликт, если участники не будут заинтересованы в достижении поставленной цели. В рассмотренных примерах преодолению конфликта и формированию ДС способствует дискурсивная деятельность экспертов, которые осуществляют управление социальным взаимодействием, используя находящиеся в их распоряжении дискурсивные ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Grice H. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 4–5.
2. Аникин Е.Е. Стратегия сопоставления в рекламе как нарушение принципа «кооперации» // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 155–162.

3. Keenan E.O. On the universality of conversational postulates // *Language in Society*. 1976. Vol. 5. P. 67–80.
4. Kaufer D.S. Understanding ironic communication // *Journal of Pragmatics*. 1981. Vol. 5. P. 495–510.
5. Hymes D. Models of the interaction of language and social life // *Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1986. P. 35–71.
6. Blakar R.M. Language as a means of social power // *Pragmalinguistics*. The Hague-Paris: Mouton, 1979. P. 131–169.
7. Lakoff R.T. Conversational Implicature // *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 1–24.
8. Lakoff R.T. Talking power: the politics of language. New York: Cambridge, 1990. 324 p.
9. Каплуненко А.М. Концепт-Понятие-Термин: эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // *Азиатско-тихоокеанский регион: диалог языков и культур*. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2007. С. 115–120.
10. Каплуненко А.М. Federal / federalism: от концепта к понятию и термину // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2012. № 2s. С. 16–21.
11. Каплуненко А.М. Курс дискурса: под флагом Фуко // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 4. С. 9–15.
12. Крапивкина О.А. Концепт vs. понятие: феноменологизм vs. конвенционализм // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2016. № 1. С. 95–98.
13. Крапивкина О.А. Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // *Вестник Томского государственного университета*. Филология. 2017. № 46. С. 21–30.
14. Крапивкина О.А. Субъект в условиях юридического дискурса: лингвопрагматический анализ. Иркутск: ИрГТУ, 2015. 153 с.
15. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
16. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 312 p.
17. Tanford A.J. *The trial process: law, tactics and ethics*. New York: LexisNexis, 2009. 445 p.
18. Сафронова Т.С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 6-1. С. 136–141.
19. Петренко В.Ф. *Основы психосемантики*. М.: МГУ, 1997. 480 с.
20. Резуненко М.Ф. Нарушение постулатов принципа кооперации в судебном-процессуальном дискурсе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. Т. 15. № 39. С. 163–166.
2. Anikin E.E. Strategy of comparison in advertising as violation of the Cooperative Principle. *Politicheskaya lingvistika*, 2006, no. 17, pp. 155–162.
3. Keenan E.O. On the universality of conversational postulates. *Language in Society*, 1976, vol. 5, pp. 67–80.
4. Kaufer D.S. Understanding ironic communication. *Journal of Pragmatics*, 1981, vol. 5, pp. 495–510.
5. Hymes D. Models of the interaction of language and social life. *Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication*. New York, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1986, pp. 35–71.
6. Blakar R.M. Language as a means of social power. *Pragmalinguistics*. The Hague-Paris, Mouton Publ., 1979, pp. 131–169.
7. Lakoff R.T. Conversational Implicature. *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, John Benjamins Publ., 1995, pp. 1–24.
8. Lakoff R.T. Talking power: the politics of language. New York, Cambridge Publ., 1990. 324 p.
9. Kaplunenko A.M. Concept-Notion-Term: evolution of semiotic entities in discourse practices. *Aziatsko-tikhookeanskiy region: dialog yazykov i kultur*. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2007, pp. 115–120.
10. Kaplunenko A.M. From the concept to the term: semiotic evolution of the nomination federal / federalism. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 2s, pp. 16–21.
11. Kaplunenko A.M. The course of discourse: nailing the Foucault colors to the mast of discourse analysis. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 9–15.
12. Krapivkina O.A. Concept vs. notion: phenomenologism vs. conventionalism. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 1, pp. 95–98.
13. Krapivkina O.A. Analysis of discourses as forms of social interaction (A case-study of court shows). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2017, no. 46, pp. 21–30.
14. Krapivkina O.A. *Subekt v usloviyakh yuridicheskogo diskursa: lingvopragmaticheskiy analiz* [The speaking subject in legal discourse: linguistic and pragmatic analysis]. Irkutsk, IrGTU Publ., 2015. 153 p.
15. Burde P. Power of law: fundamentals of sociology of the legal field. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki*. Sankt Petersburg, Aleteyya Publ., 2005. 576 p.
16. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1991. 312 p.
17. Tanford A.J. *The trial process: law, tactics and ethics*. New York, LexisNexis Publ., 2009. 445 p.
18. Safronova T.S. Specificity of suggestive influence in prosecutor's opening statement (by the material of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 6-1, pp. 136–141.
19. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics]. Moscow, MGU Publ., 1997. 480 p.
20. Rezunenko M.F. Violation of maxims of the Cooperative Principle in courtroom discourse. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2007, vol. 15, no. 39, pp. 163–166.

REFERENCES

1. Grice H. *Logic and Conversation. Syntax and Semantics*, 1975, vol. 3, pp. 4–5.

VIOLATION OF QUANTITY MAXIM AS AN OBSTACLE FOR DISCOURSE OF CONCORD

© 2017

O.A. Krapivkina, PhD (Philology), assistant professor of Chair of Foreign Languages
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)

Keywords: legal discourse, quantity maxim, Cooperative Principle, discourse of concord.

Abstract: The research subject of the paper is violations of a quantity maxim of the Cooperative Principle developed by Paul Grice which result in failure of discourse of concord formation. The Cooperative Principle means that communicative contribution of communicants should correspond to the shared purpose of conversation at each stage of communication. Discourse of concord is an open discourse process aimed at solving social interaction tasks for creating integrated intentional horizons and searching for the shared context of interpretation. Willingness of the speaking subject to collaborate with an addressee, intention to follow the Cooperative Principle impact the adequacy and correctness of interpretation of illocutionary intentions of the speaking subject and formation of discourse of concord. The research object is utterances of legal discourse practices. Research material is Russian and English texts of courtroom dialogues available at websites, manual records of court TV shows, literary works, and lawyer-client dialogues at online legal forums. The author argues that following the Cooperative Principle suggests that the speaking subject aims to transfer information, and the addressee aims to perceive it in an efficient way. In that case, discourse interaction is a cooperative activity of communicants who have a shared purpose, i.e. discourse of concord. Violations of a quantity maxim are due to the differences in intentional horizons, as communicants solve different tasks of social interaction. They contribute to discourse of differences which can evolve into a conflict if the communicants do not aim at achieving specific purposes.